Анисимов, В

10.02.70

ЧЕРНОМОРСКИЙ ЗАВРАТНИЦА
СОЧИ

10 ФЕВ 1970

ДОКУМЕНТ БОЛЬШОЙ ВАЖНОСТИ

«ВАЖНОЕ МЕСТО В СОЗДАНИИ ДУХОВ-
НЫХ ПРЕДПОСЫЛОК КОММУНИЗМА, В ВОС-
ПИТАНИИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА ЛЕНИН ОТВО-
ДИЛ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВУ».

(Из Тезисов ЦК КПСС «К 100-
летию со дня рождения Влади-
мира Ильича Ленина»).

Сейчас уже на школьной скамье ребята избирают для себя путь в жизни. Одни идут к станку, садятся за руль трактора, другие поступают в вузы — готовятся стать инженерами, учеными.

Что было делать парню, которому сравнялось 18 лет в 1922 году? О чем мечтать? Кем быть? Главное — как быть, когда оставлена школа и за плечами уже три года грудного стажа?

Я в это время работал десятником грузчиков на товарном дворе Киево-Воронежской железной дороги в Москве и гордился тем, что был среди рабочих своим человеком.

Все вместе по вечерам собирались мы в клубе грузчиков. Сейчас таких клубов нет. Это было помещение бывшего трактира. Но там имела сцена. И у нас родился драмкружок. До этого я никогда не дерзал изображать что-то, но однажды я прочитал ребятам стихи, которые помнил со школы. А затем с партнерами стал играть персонажи из рассказов А. П. Чехова.

Советской драматургии у нас тогда почти не было. Но все же пришел как-то в наш клуб человек в буденновской шинели. Он прочитал нам одноактную пьесу «Умиравший красный». Содержание ее было таково: к белогвардейцам в лапы попала группа рабочих-революционеров. Был суд и приговор.

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ ЛЮДЯМ

Мы ухватились за пьесу и подготовили ее, чтобы играть 1 мая 1922 года на площади перед Киевским вокзалом. Построен был помост без кулис. Мои одноклубники играли рабочих, а я изображал зверя-офицера. Достали мне мундир, пистолет, саблю, погоны. Прилепил я усы. На наше представление собралось много зрителей. Они слушали, затаив дыхание.

Вожака рабочих — партийца в конце пьесы офицер расстреливал. Представление окончилось. Аплодисментов не было. Зрители не расходились. Я догадывался: они ждали, когда я сойду с помоста, ждали расправы. На сцене нас было человек двенадцать. Под конвоем рабочих, рядом с героем-партийцем, через толпу зрителей шел я, «офицер». «Офицер» шел недолго. Мальчишки сорвали с меня фуражку, потом погоны. И только мои друзья драмкружковцы не допустили самосуда. После этого я долго избегал играть злодеев. Я крепко помню этот эпизод еще потому, что понял тогда: искусство — сильно действующее средство.

В те годы оно впервые стало доступно трудовому народу. Тысячи рабочих заполняли места в театрах. Они впервые видели огни рампы, смотрели спектакли, слушали музыку Чайковского, Глинки, Бетховена. Для них впервые открывался огромный мир искусства, и они жадно впитывали этот мир. Те рабочие парни, которые тяготели к искусству не просто как зрители, которые потянулись к сцене, как к своему призванию, участвовали в художественной самодеятельности. Несмотря на голод и холод, в 20-х годах в Москве да и по всей стране возникло множество студий: драматических, балетных. Актеры-педагоги давали уроки по художест-

венному чтению, танцам, пению. Мы по крупицам собирали знания. У одного педагога делали этюды и работали над отрывками из пьес, у другого ставили голос. За это учителю носили полено дров или краюшку хлеба. Тяга рабочих к искусству была огромной.

Живя в Москве, учась в театральных студиях, мы выезжали в лес на заготовку дров для столицы, сушили торф, разгружали вагоны. Если было нужно, становились пропагандистами.

Зимой 1923 года Госиздату нужны были распространители первого собрания сочинений В. И. Ленина. И мы с другом с мандатом Госиздата на санях и в поездах исколесили в эту суровую зиму много приволжских, приокских городов и поселков. Подписка шла успешно. Надо было видеть, с какой любовью рабочий люд брал в руки первый том сочинений своего вождя, который мы вручали при подписке. Такие командировки были для нас университетами.

«Искусство принадлежит народу». Это наша заповедь. Искусство должно быть правдиво. Если нет правды, значит нет искусства. Искусство, согретое любовью к человеку, всегда необходимо. Особенно мы это почувствовали, когда выступали в цехах заводов и фабрик.

Завод «Серп и молот», прожекторный, 1-й и 2-й часовые заводы, электроламповый, текстильные фабрики и многие, многие другие предприятия Москвы приглашали нас в свои цехи. Полчаса — обед и полчаса наше выступление. Мы читали стихи Пушкина, Маяковского, Твардовского, играли сцены из пьес, исполняли Толстого, Лермонтова, Шолохова. Переходили из цеха в цех. Более бла-

годарного зрителя мы не знаем. Здесь, в цеховом красном уголке или просто около станков, люди, затаив дыхание, внимали каждому слову. И нередки случаи, когда обеденный перерыв бывал продлен по просьбе слушателей: «Читайте еще! Отработаем это время».

Давно эти незабываемые годы стали историей. Сегодня наше искусство достигло своего подлинного расцвета. Оно стало для советских людей необходимым, как хлеб, как воздух. Оно воспитывает нового человека и зовет вперед. Мы гордимся нашей литературой, нашим искусством. Советский Союз давно вышел на первое место по изданию книг. Советским артистам рукоплещут крупнейшие столицы мира. Советские фильмы неизменно получают золотые медали на различных фестивалях.

По вечерам город зажигает огни. Открываются двери театров, концертных залов. Сколько их у нас на курорте? Каждая здравница обязательно имеет свою библиотеку, свой клуб. Здесь демонстрируется все самое лучшее — спектакли, концерты, кинофильмы.

Больших успехов добилась самодеятельность. В Сочи, например, выросли такие коллективы, как народный мужской хор таксистов, народный ансамбль «Чайка», многие санаторные коллективы. Есть среди них лауреаты краевых и республиканских конкурсов.

...Вспоминаю своих первых зрителей 1922 года и мысленно пробегаю по жизни. Не напрасным был творческий путь художников всех специальностей. Творческие работники создавали и создают произведения, которые воспитывают людей. А это значит — выполняется Ленинский завет — искусство верно служит делу воспитания нового человека.

В. АНИСИМОВ,
артист Сочинской госфилармонии.